

Молчанов В. — поэт,
композитор

21.11.92.

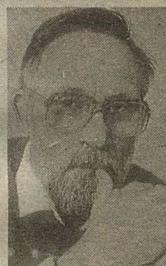
Мнение

Век. кущо. — 1992. — 21 кн. С 2

ПЕСНИ СТАРОЙ РУЗЫ

К счастью, есть еще на нашем ТВ люди, ради встречи с которыми можно отложить все вечерние дела. В минувшую среду на протяжении полутора часов Владимир Молчанов рассказывал нам о былой жизни дачного поселка композиторов в подмосковной Рузе. Здесь, на берегах тихой речушки, жили, творили, спорили, рыбачили, выпивали, острили, влюблялись, расходились, умирали... Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Дунаевский, Соловьев-Седой... словом, весь цвет советской музыки.

Вспоминать можно по-разному. Молчанов это сделал по-молчановски, т. е. изысканно, интеллигентно (может быть, даже чуть рафинировано), очень тактично, с любовью, с грустью, на фоне увядающей осени... — этакое сентиментальное ретро. И оказалось, что это хорошо.

Но я пишу не рецензию. Я — о песнях. Их было много, сочиненных в дачках под березами: они по существу и «сделали» молчановское «Воспоминание».

Есть риск скатиться к банальности: «в песнях отражается эпоха», «песни — душа народа» и т. п., а заодно и посоветовать: нет, дескать, нынче хороших песен — сплошные рок и попса, «сумбур вместо музыки». Но я не зря взял в кавычки последние слова — именно так в свое время обругала «Правда» музыку Шостаковича. Потому поостережемся с оценками, тем более что и в прежние времена песни были разные. Песни-лауреаты, неизменно исполнявшиеся по радио и на концертах (вроде «Партия — наш рулевой»), которые тем не менее никто из нормальных людей в «живой» жизни не пел. И песни, любимые всеми, естественные, как дыхание, как слезы, как радость...

К чему я это говорю? А вот к чему. Сейчас стало модно, критикуя (и справедливо!) тоталитарное прошлое, уничижительно отзываться о духовной жизни и искусстве советской поры. Все, мол, было насквозь заидеологизировано, создавалось по приказу сверху, а потому бездарно и фальшиво. Словом, «худые песни соловью в котях у кошки». И если, скажем, Дунаевский писал в проклятом 1937-м мажорную музыку («Эх, хорошо в стране советской жить»), то либо он был бессовестным конъюнктурщиком, либо делал это исключительно из-за страха.

В какой-то момент и Владимир Молчанов не избежал искуса политических экстраполяций, упрекнув рузских «дачников» в расхождении с жизнью. Пожалуй, это единственное место «Воспоминания», которое у меня вызвало несогласие с автором: когда на фоне песни «Если бы парни всей земли...» идут кадры венгерских событий 1956 г., а под песню «Хотят ли русские войны» возводится берлинская стена. Дескать, сочинили одно, а в жизни творилось другое.

И так, и не так! Талантливые песни и жизнь, случалось, не всегда и не во всем совпадали. Но «не совпадали» не означает «во всем расходились»! Разве первая из упомянутых песен не была подхвачена проходившим в Москве в 1957 г. Международным фестивалем молодежи? И разве вторая не отражала искренние чувства послевоенной страны?

Да, поэту и композитору можно было приказать написать песню. Но никто и никогда не заставит петь народ. И если люди пели (а они пели!), то, значит, в этих песнях была своя правда.

Сейчас эти песни уходят или уже ушли. Так же, как обитатели старой Рузы. Грустно, но ничего не поделаешь. В дачный поселок (если бы только в поселок!) пришли новые жильцы, имена которых никому не известны. Какие песни они принесут с собой?

Николай МИХАЙЛОВ.